

«Долой за свечки — 10 к.»

К 120-летию пребывания А. П. Чехова в Екатеринбурге

Объявление из екатеринбургской газеты «Деловой корреспондент» от 1 мая 1890 года: «Список приезжих лиц. В “Американской гостинице”: Гг. Бруцкусь из Москвы, Донгауеръ из Красноуфимска, Чеховъ изъ Перми, Визель изъ Риги»¹.

«Чеховъ изъ Перми» — это не кто иной, как доктор А. П. Чехов из Москвы. Весной 1890 года Антон Павлович остановился в Екатеринбурге по пути на остров Сахалин. Ещё с зимы столичные газеты трезвонили: «Сенсационная новость! А. П. Чехов отправляется на остров Сахалин с целью изучения быта каторжников».

Но не только «с целью изучения...» писатель едет на каторжный остров. Он едет, «чтобы пожить... не так, как жил до сих пор», «не ради одних только арестантов», потому что «...в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку...»

На Сахалин на поклонение? Зачем? Ведь произведения Чехова успешны, печатаются и бойко идут в театрах. Сборник «В сумерках» удостоен Пушкинской премии... А душа всё равно «в тоске». «Сам я от работы удовлетворения не чувствую... Чувство моё говорит, что я занимаюсь вздором». «Бывают минуты, когда я падаю духом. Для кого и для чего пишу?...»

Из множества причин, побудивших Чехова к поездке в «сахалинскую преисподнюю», самой настоящей, хоть и не вполне осознанной, была смерть брата Николая. Как он, доктор, не смог вовремя углядеть серьёзной болезни Коли?! После его смерти Антон Павлович «потускнел» на глазах. А тут ещё его «Леший» в театре Абрамовой с треском провалился. Пьеса оказалась не ко двору, не ко времени. Публика спектакль затопала и освистала, артисты сконфузились, драматурга-новатора добросовестно обрутали газетчики и рецензенты.

Чехов как-то вдруг разлюбил видеть свои произведения в печати и на сцене, «оравнодушел» к рецензиям, к разговорам о литературе, к сплетням, успехам, неудачам, к большому гонорару.

Всё стало как-то «апатично до психопатичности». Чехову всего тридцать. А не уйти ли ему навсегда из литературы?

Он «сам себя командировал» на остров Сахалин и на «свой счёт». В его кармане, помимо билета в вагон третьего класса, удостоверение корреспондента «Нового времени»: «Предъявитель сего Антон Павлович Чехов отправляется корреспондентом “Нового времени” в разные места России и за границу».

Долгая дорога на остров заняла почти три месяца. А потом три месяца каторжного труда среди каторжан. Собирал материалы к будущей книге (хватило бы на три диссертации), докторствовал. Каждый день он вставал в 5 часов утра, поздно ложился. объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым. Переписал почти всё Сахалинское население. Заполнил 10 000 карточек. Одним словом, на Сахалине практически не осталось ни одного каторжного или поселенца, который бы не разговаривал с Чеховым.

Финалом сахалинской эпопеи стало письмо Чехова к Суворину. «Сахалин — это место невыносимых страданий...»

Из сахалинского путешествия он привез «сундук всякой каторжной всячины»: статистические карточки, прошения, жалобы... Вся жизнь Чехова «...просахалинилась...» С кандального острова писатель привёз свою безысходную грусть о человеке, то, что мы ныне называем «художественным миром Чехова».

Свою книгу «Остров Сахалин» Чехов представил в Московском университете, чтобы ему зачли её в качестве докторской диссертации (степень дала бы ему право читать лекции по здравоохранению), но учёный совет её отклонил.

Чехов готов был отказаться от литературы ради науки. Что ж, утешением служит то, что не став профессором в родном университете, Чехов сделал окончательный выбор в пользу литературы и именно на этом пути навсегда вошёл в число самых выдающихся воспитанников Московского университета.

Но вернёмся к объявлению в «Деловом корреспонденте» от 1 мая 1890 года. «Список приезжих лиц. В “Американской гостинице”: Гг. Бруцкусь из Москвы, Донгауеръ из Красноуфимска, Чеховъ изъ Перми, Визель изъ Риги».

27 апреля в 6 ч. 15 мин вечера Чехов на поезде № 1 выехал из Перми. До губернского города он добирался то «водой», то

по «железке». От Москвы до Ярославля — поездом; от Ярославля до Нижнего и от Нижнего до Перми — пароходом.

28 апреля, в субботу в 2 часа 35 мин. дня *Homo Sachaliensis*² был уже в Екатеринбурге. Билет за 6 руб. 73 коп. в вагон третьего класса сохранил для отчётности.

Бойкий сибирский город предстал в полной своей серой красе. Погода «отвратительна...» «дождь, снег, крупа». Температура по Цельсию — 6, ветер восточный, 1 м в сек. (Екатеринбургская неделя. 1890. 29 апр.).

Погода — дрянь, извозчики — дрянь. «Извозчики — это нечто невообразимое по своей убогости. Грязные, мокрые, без рессор; передние ноги у лошади расставлены, копыта громадные, спина тощая... Здешние дрожки — это аляповатая пародия на наши брички. К бричке приделан оборванный верх, вот и всё. Все извозчики похожи на Добролюбова»³.

Вообще-то, по действовавшему в то время городским правилам извозчики в Екатеринбурге должны были быть одеты в приличные кафтаны из тёмного сукна, иметь лошадей здоровых, не изнурённых, не хромых, не бессильных, хорошо выезженных, не пуливых; экипажи, как летние, так и зимние, иметь приличного вида и прочные. В противном случае делались предупреждения, и если в течение 7 дней недостатки не устранялись, извозчики лишались жестяного ярлыка с номером, а это значит и работы.

В Екатеринбурге «за провоз на извозчике во время дня от вокзала железной дороги определялась плата»: до Главного проспекта — 35 копеек, до Покровского проспекта — 40 копеек. В осеннее и весеннее время плата за провоз взималась на 5 копеек дороже⁴.

Стало быть, Чехов до самой лучшей гостиницы в городе, которая находилась на Покровском проспекте, доехал за 45 копеек.

У каждого извозчика было определённое место в городе. У «Американской гостиницы» в бытность Чехова стояли мещане Михаил Иванович Ивонин, Лука Мартынович Велижанинов, Михаил Алексеевич Бармин, Фёдор Александрович Ивкин, Павел Яковлевич Давыдов, Матвей Фёдорович Борисов, Евдокия Фоковна

Левитских и крестьянин из Орловского уезда Подрельской волости Пётр Михайлович Жданов.

Кто же из них не угодил Чехову?

«Американская гостиница» располагалась в собственном доме купца второй гильдии Павла Васильевича Холкина на углу Покровского проспекта и Златоустовской улицы № 68. Извозчики за определённую мзду от хозяина гостиницы везли народ прямо с поезда только сюда, минуя конкурентов, на что последние немало обижались. В гостинице было 18 номеров, лучшие из которых имели самую высокую цену в городе — 4 руб. (самые дешёвые — 80 к.). Настроенный весьма скептически Чехов «Американскую гостиницу», тем не менее, назвал «очень недурной».

Чехов в Екатеринбургe остановился в гостинице, хотя в душе надеялся и на приём в доме родственников, богатого купеческого клана Симановых (Симоновых). О предстоящей остановке в Екатеринбургe и встрече с родственниками Антон Чехов писал с парохода 24 апреля: «Я, кажется, проживу в Екатеринбургe сутки и повидаюсь с родственниками. Быть может, сердце их смягчится, и они дадут мне три рубля денег и осьмушку чаю».

В Екатеринбургe жила двоюродная сестра матери Чехова Праксovia Симанова. Её сын Александр Максимович⁵ директорствовал тогда на мельнице своего двоюродного брата И. И. Симанова, городского головы. К встрече Антон Павлович готовился, и тотчас же уведомил А. М. Симанова о своём приезде, написав ему, что два дня «де намерен безвыходно сидеть у себя в номере».

В этот же день Чехов получил ответ: «Большое спасибо за добрую память, Антон Павлович! Никак не думал теперь увидеть Вас здесь. Считал по газетным слухам, что на Сахалин водой уехали. Постараюсь повидаться сегодня и только в крайнем случае, если нельзя будет урваться, завтра»⁶.

Александр Максимович навестил московского гостя 29 апреля утром.

«На следующее утро... входит... скуластый, лобастый, угрюмый, ростом под потолок, в плечах сажень, да еще к тому же в шубе. Ну, думаю, этот непременно уьёт. Оказалось, что это А.М.С.»⁷. Таким увидел Чехов своего троюродного брата А. М. Симанова. На самом же деле лицо Александра Максимовича украшала ин-

тelligентная бородка клинышком и пушистые усы, густые волосы он зачёсывал назад.

«Разговорились. Он служит членом в земской управе, директорствует на мельнице своего кузена, освещаемой электричеством, редактирует “Екатеринбургскую Неделю”, цензуруемую бароном Таубе, женат, имеет двух детей, богатеет, толстеет, стареет и живет “основательно”. Говорит, что скучать некогда. Советовал мне побывать в музее, на заводах, на приисках; я поблагодарил за совет. Пригласил он меня на завтра к вечеру чай пить; я пригласил его к себе обедать. Меня обедать он не пригласил и вообще не настаивал, чтобы я у него побывал. Из этого мамаша может заключить, что сердце родственников не смягчилось и что оба мы — и Симанов, и я — друг другу не нужны».

Корни неприязненного отношения Симановых к Чехову, по мнению Э. П. Молчанова, уходили в прошлое, когда Павел Егорович, отец Чехова, находясь на грани разорения, обращался к ним из Таганрога за поддержкой.

Чехов задержался в Екатеринбурге в ожидании ответа из Тюмени на свою телеграмму: «Тюмень. Пароходство Курбатова. Ответ уплачен. Уведомьте, когда идёт пассажирский пароход “Томск”»⁸. От ответа зависело, поедет ли Чехов на пароходе или же поскачет 1½ тысячи вёрст на лошадях, по распутице.

Два-три дня он употребил «на починку своей кашляющей и геморройствующей особы», с большим удовольствием принимал Гуніади (венгерская горько-солёная минеральная вода), попробовал сварить себе на походной кофеварке кофе: получилось «матрасинское вино» (низкосортное красное вино, которое производили в Карабахе). Пил и только плечами пожимал.

Повертел в руках пять простынь и не взял ни одной.

29 апреля Антон Павлович поехал покупать себе резиновые калоши. Калоши тогда в Екатеринбурге можно было купить в торговом доме «Леопольд Нейшлер», что против Кафедрального собора. Здесь предлагали галоши Российско-Американской резиновой мануфактуры: «просим при покупке обращать внимание на клейма на подошвах...»⁹

Екатеринбург москвичу не понравился. Город «такой же точно, как Пермь или Тула», похож он и на многие другие. А вот

колокола звонили «великолепно, бархатно». В 1890 году слух писателя могли усладить звонницы ближайших к «Американской гостинице» Большого и Малого Златоустов, особенно, пожалуй, Большого, его слышно было аж в Арамили; возможно, донеслись до Антона Павловича и звуки с колокольни Вознесенской церкви, когда он ехал с вокзала.

С медным звоном контрастировал гул чугунный. «Надо иметь чугунные головы, чтобы не сойти с ума от этих неумолкающих курантов».

Всего лишь несколько слов написал столичный гость о екатеринбуржцах, но каких! «...я вижу вокруг себя лобастых и скуластых азиатов, происшедших от совокупления уральского чугуна с белугой...»

Антон Павлович получил ответную телеграмму из Тюмени: «Первый пароход в Томск пойдёт 18 мая». А это значило: хочешь — не хочешь, придётся скакать на лошадях.

«Первый пароход из Томска в Тюмень пришёл лишь в первых числах июня, проведя в пути, по случаю большого количества пльвущего по Иртышу льда, 16 суток. Между прочим, на этом пароходе, имевшем большое число пассажиров, истощилась совершенно провизия и грозил голод, пришлось захватить ходившую по берегу чужую корову и заколоть её»¹⁰.

2 мая писатель из Екатеринбурга выехал в Тюмень. Он сел в поезд № 1 в 3 ч. 35 мин. дня, в Тюмень прибыл в 6 ч. 30 мин. утра. Дальше поезда не шли. Официально строительство Транссибирской железной дороги начнётся только через год, в 1891 году.

Начались «коннолошадиные» мытарства Чехова по Сибири.

Р. S. Из Екатеринбурга Антон Павлович взял с собой $\frac{1}{4}$ ф¹¹. чаю, 5 ф. сахару, 3 лимона и счёт из «Американской гостиницы».

Этот документ чудом сохранился. Подлинник ныне находится в фондах ТГЛИАМЗ.

Счёт из «Американской гостиницы» П. В. Холкина.

Господину Чехову А. П. 2 мая 1890 г.

Отпущено

Апреля 28 ч.

Обед — 70 к.; самовар и лимону — 15 к.; чаю — 35 к.;

пива — 25 к.; белья — 15 к.

Апреля 29 ч.

Молока и сливоч — 30 к.; самовары — 20 к.; водки — 10 к.;
обед — 70 к.; сахару — 20 к.; лимону — 5 к.; биток — 40 к.

Апреля 30 ч.

Молока и сливоч — 20 к.; самовар — 10 к.; обед — 70 к.; вод-
ки — 20 к.

яиц — 10 к.

Мая 1 ч.

Самовары — 20 к.; сливки и молока — 30 к.; обед — 70 к.;
водки — 10 к.

свечи — 4 штуки — 40 к.

Мая 2 ч.

Самовары — 10 к.; сливки — 10 к.

Номер за 1 руб. 30 к. в день — 4 дня — 5 руб. 20 к.

Итого р. с. 12 руб. 35 к.

Долой за свечки — 10 к.

Получено 12 руб. 25 к.

Подпись неразборчива.

Возможно, это подпись приказчика 1 класса Михаила Николае-
вича Верхотурова, крестьянина Верх-Исетской волости¹².

В счёте от 28 апреля в графе «отпущено» написано два слова.
Что это? Для нас — это пока тайна. Одно понятно: стоит это не-
что — 40 к.

Поиск продолжается. А значит, продолжение следует.

¹Из газетного фонда РГБ.

²лат. Сахалинец.

³Из письма А. П. Чехова родным от 29 апреля 1890 г.

⁴Город Екатеринбург : сборник. Екатеринбург, 1889. С. 794.

⁵в Полн. собр. соч. Чехова — Михайлович?

⁶Подлинник письма хранился в рукописном отделе РГБ, ныне утерян.

⁷Из письма А. П. Чехова родным, 29 апреля 1890 г.

⁸Там же.

⁹Рекламное объявление 1890 г. Из фондов ГАСО.

¹⁰Екатеринбургская неделя. 1890. № 22. С. 459.

¹¹Ф. (фунт) — 409,5 гр.

¹²Город Екатеринбург. 1889. С. 760.